

фирмы на уровне расширенного воспроизводства наравне с фирмами других отраслей. Все то, что выходит за рамки этой нормы должно «отсекаться» и направляться в государственный бюджет и инновационные фонды, чтобы инициировать новые разработки и внедрять рискованные проекты. Иначе говоря, ставки рефинансирования, которыми пытаются регулировать разнородную экономическую систему, в конечном итоге дают возможность всегда начинать и «выигрывать» самому мощному, но все же посреднику – банковскому капиталу. Поэтому названную выше норму следует, если привязаться к экономической практике Беларуси, других стран ввести в качестве прогнозного, а лучше планового стратегического социально-экономического показателя. Именно она определяет будущее и текущее «здоровье» социально-экономической системы страны. Если она ниже банковского процента, и тем более ниже рентабельности в промышленности, то кто же найдется, чтобы вкладывать в эти отрасли деньги и кто пойдет заниматься титанически сложной и неизвестной научно-исследовательской деятельностью, разработкой новой техники и технологий? Проблема формирования научно-технических кадров во многих странах, и Беларусь, к сожалению, здесь не является исключением, подтвердит высказанный выше тезис. А технологии – это, прежде всего, знания. Нет знаний, нет технологий и нет стратегически перспективных ин-

новаций. Но чтобы раскрыть эту природу и придать действительное начало инновационному развитию следует внедрить в хозяйственный механизм такую форму как институциональное планирование и проектирование. Это реальный, хотя и напряженный научно-аналитический проект, равно как и действительно демократический инструмент общественного управления современной экономикой.

Литература

1. Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 1.
2. Лемещенко П.С. Экономический кризис как институциональная форма и ступень отрицания капитала // Журнал институциональных исследований. – 2010. – Том. 2. – № 4.
3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. – М., 1999.
4. Лемещенко П.С. Россия – Белоруссия: Институциональные начала формирования союзного государства // Вестник экономической интеграции». – Москва. – 2009. – № 1.
5. Создание институциональных основ рыночной экономики / Пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2002.

Статья поступила в редакцию 27.05.2011

Н.Б. МАЛАХОВА, д.э.н., профессор,
Харьковский национальный экономический университет

ИЗМЕРЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Сложное противоречие экономической науки в сегодняшних реалиях состоит в том, что из трех целей хозяйственного бытия в рыночных условиях – «максимизация ценности у индивида», «максимизация прибыльности у предприятия», «максимизация выгоды у общества» – последняя оставалась в науке долгое время невыявленной и неразрешимой. Общественные интересы в результатах рыночного хозяйствования не стали самостоятельно измеряемыми и количественно проверяемыми. Поэтому социальность как форма взаимоотношений и взаимосвязи хозяйствующих субъектов в экономике не имела своего четкого достоверного критерия.

Целью данной работы стал поиск выхода из теоретического тупика социальности. Полагаем, что критерием социальности является выявление степени общественного характера процессов, а для обнаружения общественной меры необходимы принципы измеримости и проверяемости тех теоретических суждений и фактических данных, которыми мы пытаемся описать современную реальную общественно-экономическую практику.

В свете воззрений о причинах утраты человечеством духовности и социальности по-прежнему остро стоит вопрос о направленно-

© Н.Б. Малахова, 2011

сти и содержании интересов главных участников хозяйственной жизни. В наших предыдущих исследованиях сущности рыночной экономики уже были выявлены 3 главных субъекта в каждой сделке купли-продажи, в каждом акте рыночной экономики: это продавец, покупатель и интерес социума. О взаимодействии продавца и покупателя в обмене все знают, а об интересе социума в каждой сделке купли-продажи мало кто догадывается. Происходит так потому, что этот интерес скрыт, не видим, имплицитен или свернут.

Попытаемся показать те видимые и невидимые, но реально существующие отношения, которые определяют всю экономическую и социальную жизнь. Для этого выделим три главных интереса в каждом простейшем, единичном, наиболее элементарном экономическом событии – покупке товара. Мириады этих обыденных событий хозяйственной практики происходят каждый день, везде и повсеместно. Из них сплетается социально-экономическая ткань человеческого существования. Но чрезвычайно важно, что в каждом из них через интересы реализуются цели, которые в агрегированном состоянии на мезо- и макроуровне выступают как общественные силы.

Экономическая теория и хозяйственная практика активно пользуются парадигмой спроса и предложения. Казалось бы, спрос и предложение движут развитием и прогрессом современной экономики как в развитых, так и в переходных (трансформационных) экономических системах. Однако то общее, что их объединяет в экономической теории, так это неутомимая, необузданная, неограниченная вера в справедливость двух рычагов рыночного механизма – спроса и предложения. Со стороны спроса индивидуальные потребители и предприятия как хозяйствующие единицы предъявляют свои потребности, а на стороне предложения действуют тысячи субъектов, готовых эти потребности насытить, удовлетворить, обеспечить товарами при условии обмена их за деньги. Если в каждом акте покупки того или иного товара удовлетворяется та или иная потребность, то все ли так хорошо в совокупном, агрегированном, общественном равновесии? Почему накапливается неравновесность и нестабильность, из-за чего все чаще возникают экономические кризисы и почему все тяжелее их последствия?

По умолчанию, обычно принимается либо заведомо предполагается, что две силы – спрос и предложение – действуют равноценно,

совместно, равноправно и справедливо. Однако на самом деле это далеко не так. В реальности функция рыночного спроса не тождественна функции общественного спроса на любом рынке товара. Чтобы проверить истинность этого утверждения, следует ответить на вопросы: сколько на самом деле того или иного товара нужно обществу, кто определил это количество, соответствует ли это количество тому, что купили платежеспособные покупатели и нет ли в обществе желающих, но неплатежеспособных потребителей на этот товар? Существует ли общественная мера в функционировании спроса?

С другой стороны, рыночное предложение всегда занимает более сильную позицию и играет доминирующую роль в обменном акте. Достаточно вспомнить, в каком из случаев покупки товара Вы, уважаемый читатель, купили его по цене, которую назначили Вы как равноправная сторона акта обмена. Не может быть истинной социальности при существующей асимметрии и неравновесии сил рынка. Тогда какая социальность реально функционирует в экономике?

Сегодня всё свидетельствует о том, что социальность современной экономики основана на приоритете денег как главных инструментов обмена, на стремлении к получению максимума полезности у потребляющего индивида и максимума прибыльности у предприятий. Поиск максимума общественной выгоды затруднен из-за отсутствия аппарата формализации и овеществления третьего интереса – максимизации общественной целесообразности. То, что выгодно обществу, не видно повседневному взору, спрятано от непосредственного обыденного наблюдения, и может быть обнаружено лишь с помощью интеллектуальных средств компьютеризации и информатики. Поиск невидимой общественной выгоды в каждом акте обмена подобен тому, как не видит рядовой человек процессы на уровне нановеличин, но не отрицает объективного существования этого мира и использования его в современных нанотехнологиях.

Переход от парадигмы маржинальной полезности к маржинальным издержкам конкретного производства, а затем к математическому преобразованию реальных данных с помощью системной модели производственной функции дал нам возможность подсчитать уровень общественной выгоды в результатах хозяйствования большого круга конкретных реальных украинских предприятий.

Как и во многих современных науках, экономическая теория сегодня обращается к средствам измерения и эмпирической проверки теоретических утверждений на основе синтеза знаний философии, математики, информатики. Синтез знаний позволяет проверить абстрактные суждения путем моделирования. Моделируются объективные, но невидимые человеку процессы. Однако главное заключается в том, чтобы обнаружить невидимое, но реально существующее основание общественного интереса на микроуровне. Понятно, что только измеряя общественный интерес, можно понять меру социальности в конкретных фактах хозяйствования единичных субъектов, понять масштабы социальности в их агрегировании.

Не секрет, что погоня за максимизацией полезности привела к перепотреблению в социуме и перепроизводству товаров, а значит – к убеждению, что все товаропроизводители своими действиями удовлетворяют общественную выгоду. Насыщение потребительской полезности пусть даже для массы отдельных индивидов еще не означает общественную полезность. Как их размежевать – полезность для общества и полезность для массы индивидов? Ведь полезность товара для общества не тождественна прибыльности у предприятий.

Стремление к максимизации индивидуального потребления и прибыльности фирм толкает человечество к перепроизводству денег, необеспеченных товарной массой, что выливается во все более частом и более разрушительном проявлении финансовых кризисов. Поддержка критерия максимизации прибыли у предприятий обеспечила явное перепроизводство ряда материально-вещественных товаров (особенно в сфере личного потребления) при очевидном недостатке общественных и общих благ, для создания которых не хватает природных и финансовых ресурсов. Речь идет о социальных и образовательных услугах, мерах экологической и санитарной защиты, средствах для предотвращения природных катастроф и эпидемий.

Социальный характер экономики выделяет, подчеркивает иные приоритеты, иные ценности, иные принципы рыночного поведения, нежели максимизация полезности и прибыльности. Социальная практика и социальная наука могли бы внести в хозяйственную жизнь и экономическую теорию те критерии, по которым можно оценить общественную границу в производстве и потреблении тех или иных

товаров. К примеру, сегодня актуальны знания об общественно необходимых количествах затрат факторов производства в отличие от фактически потребленных ресурсов. Особенно это необходимо в сферах транспорта, связи, энергообеспечения, использования природных ресурсов. Но такие знания еще не убедительны. Многие могли бы объяснить знания об общественном интересе в каждом акте купли-продажи. Такая конкретная, единичная социальность не только вводила бы ограничения и инструменты сдерживания человечества в потреблении, но и давала бы инструмент измерения реальных экономических актов равновесия. Это был бы реальный способ оценки хозяйствования с позиций тех невидимых, но реально проявляющихся общественных интересов.

Социальное в современной экономике означает выделение соответствия фактических состояний и процессов по отношению к общественной выгоде и общественной рациональности. Иначе говоря, социальность понимается здесь как мера соответствия (или несоответствия) фактических процессов к общественной рациональности. Остается лишь количественно выявить эту меру. В сопоставлении марксистской и маржиналистской парадигм эта мера нами обнаружена с помощью системной модели производственной функции [6].

В XIX в. социальность в экономической науке проявилась как стремление к выделению общественных интересов и ценностей. Сформировавшиеся практически одновременно марксистская и неоклассическая концепции в описании экономических отношений в производстве товаров восходили к принципиально противоположному объяснению причин социально-классового структурирования общества.

Марксизм описывал систему общественного производства, начиная с клеточки экономических отношений. Клеточкой был выбран товар и его образующий труд в процессе производства, обмена и обращения. Обнаружение прибавочного труда и продукта в произведенном товаре было необходимо для доказательства существования частнокапиталистического присвоения прибавочного труда, то есть факта эксплуатации человека. Если имеет место эксплуатация человека в производстве, то неизбежно разделение общества на такие классы, которые взаимодействуют на принципах социального подчинения и принуждения. Отсюда последовал вывод о преодолении корней классового расслоения через радикальное, револю-

ционное изменение производственных отношений. Частное присвоение прибавочного труда рассматривалось как основное производственное отношение капиталистической системы. Общественное присвоение прибавочного труда стало теоретической основой идеологии социальных революций и общественных преобразований.

Параллельно марксистским воззрениям развивалась концепция предельной полезности как фундамент для описания рыночной экономической системы через взаимосвязь спроса и предложения. Согласно доводам неоклассиков, кривая рыночного спроса схожа с убывающей функцией предельной полезности товара в потреблении – это первый софизм. Одновременно характер предложения совпадает с поведением маржинальных издержек отдельного товаропроизводителя – это второй софизм. Заменяя динамику полезности товара в потреблении функцией спроса и представив функцию маржинальных издержек как предложение, мейнстрим XIX в. построил теоретическую конструкцию рыночного обмена. В ней по математическим правилам и при соблюдении принципа «*ceteris paribus*» полученный в производстве товара доход полностью распределялся на вложенные факторы производства без остатка. Следовательно, в общественном производстве прибавочного продукта нет и никакой эксплуатации нет. Идеология классового расслоения теряла свою теоретическую почву.

Как видим, социальность экономической науки была подчинена политической идеологии. Социальность как выражение интересов больших групп индивидов многие люди считают естественной, объективной, а такую политическую трактовку социальности логичной и неизбежной. Либо социальность базируется на классовости и борьбе социальных групп в распределении совокупного общественного дохода. Либо социальность связана с отрицанием классов и принятием рыночной теории с её идеалами совершенного и справедливого рыночного обмена на основе спроса-предложения. Другой интерпретации социальности в рыночной теории нет?

Считается, что если есть взаимодействие людей на основе спроса и предложения, то социальность заключается в том, что обществу полезно все то, что хочет и может купить платежеспособный покупатель, с одной стороны, и все, что хочет и может продать товаропроизводитель, с другой. Свободная конкуренция якобы автоматически обеспечивает порядок и

справедливость. Не правда ли, убедительное обоснование товарного перепроизводства и безудержного стремления к максимизации прибыльности каждого продавца. Убежденность, что именно спонтанный характер рынка и полная свобода конкуренции наведут порядок и равновесие, не позволила заметить, что реальный рынок действует совсем по иным законам равновесия. Но где же интерес общества? На какой стороне интерес общества, если равноправности между спросом и предложением фактически нет?

Как раз именно бурное развитие наук поставило ряд вопросов в представлениях о социальности. Например: спрос и предложение каких групп участников является общественным? Что считать большими группами людей, образующих классы? Как объективно выделить интересы больших групп людей в форме достоверного и проверяемого факта? Могут ли такие явления, как общественная потребность, общественная полезность, общественная выгода иметь четко и количественно измеряемые параметры?

Введение неоклассиками принципов измеримости и проверяемости в экономическую теорию в XIX в. было сопряжено с внедрением открытий и инструментов «точных» наук в арсенал экономической трактовки социальности. С тех пор научная парадигма диктует необходимость объединения усилий многих наук ради целостности человеческого существования, без обращения к дилемме классов и эксплуатации человека.

Важным достоинством концепции предельной полезности XIX века как раз и было обращение к средствам измерения, точнее, вовлечение аппарата высшей математики в экономическую теорию с целью измеримости фактов реальной жизни и проверки суждений. Правда, количественную измеримость удалось реализовать лишь с помощью операций над большими массивами статистических данных в новом научном направлении «математического моделирования» и эконометрики, а вот принцип проверяемости остался, по мнению М. Блауга, на обочине экономической науки¹.

В экономической науке XX в. великое множество эконометрических моделей построено на условных примерах, а в реальной практике большинство из них не может быть

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М. : Дело, 1994. – 760 с.

проверено в силу предварительных строгих искусственных ограничений. Даже обращение к примерам, далеким от экономических процессов, вроде «дилеммы заключенных», не прибавило ясности и доказательности в понимании причин реальных экономических явлений, особенно их неравновесности, кризисности и цикличности².

Признаком социального осознания реальных экономических процессов может стать использование принципа измеряемости и проверяемости современных фактов хозяйственной деятельности на основе системной модели производственной функции. По нашему убеждению, только на основе её принципов возможен убедительный и надежный теоретический переход к определению общественной природы, общественного характера событий и экономических процессов, к определению общественного состояния как типичного признака целостности [6, с.149].

Есть все основания полагать, что общественное – это не просто часто встречающееся среди тех или иных явлений, поскольку меру «частости» никто не определил однозначно. Общественное нельзя толковать и как арифметически полученное усреднение. Усреднять арифметически затраты или доходы, выгоды или потери в экономике равносильно определению средней температуры в больнице: у одного больного ниже 35°, а у другого выше 38°, но в среднем все имеют температуру около 36,5°, то есть нормальную.

Для вычисления той или иной общественной меры в экономических процессах сначала важно узнать агрегированное, интегрированное состояние, а из него получать параметры общественного масштаба, например, общественной выгоды, полезности, целесообразности, результативности. В таком смысле соотношение социального и общественно необходимого выглядит так: социальное есть отношение, присущее взаимодействующим между собой людям, а общественно необходимое есть мера рациональности в этом взаимодействии.

Чтобы найти такую общественно необходимую меру в действиях каждого конкретного субъекта хозяйствования отнюдь не обязательно сопоставлять или сравнивать его затраты и результаты с соответствующими параметрами конкурентов. Научные достижения

подсказывают, что можно интегрально рассчитать общественную меру в деятельности каждого отдельного предприятия с помощью системной модели производственной функции (System Model Production Function). Но эти расчеты возвращают нас к элементам неоклассического маржинализма, актуализируют внимание к инструментам микроэкономического анализа³.

В научной монографии проф. Задорожного Г.В. вслед за критическими оценками известного ученого А. Эйхнера по поводу 4 постулатов неоклассического ядра сделан вывод: «Эти постулаты в разном сочетании служат базисом для микроэкономической аргументации. Но главное состоит в том, что ни один из них не укладывается в эпистемологические правила научных исследований и не имеет эмпирического подтверждения» [3, с.24]⁴. Вывод в целом справедливый и обоснованный. Хотя отрицать внимание ученых-неоклассиков к необходимости эмпирически измерять экономические процессы на основе новейших математических методов вряд ли стоит отбрасывать. В математических попытках неоклассиков были не только фундаментальные ошибки и несостоятельные постулаты, но и те методологические новации, которые в последующих периодах вызвали бурное развитие экономико-математического моделирования и его применения далеко за пределами экономики.

В рамках данной работы на примере исходных данных от Харьковского метрополитена покажем результаты расчетов общественно необходимых издержек на перевозку одного пассажира (табл. 1) по методике вычисления общественно необходимых издержек АС предприятия на основе системной модели производственной функции [6, с. 134].

Из таблицы 1 видно, что за период 2004-2009 гг. на Харьковском метрополитене фактические затраты на перевозку пассажиров росли из года в год. Маржинальные издержки предприятия также имели возрастающий тренд (рис.1). Однако тенденция общественно необходимых издержек АС для данного предпри-

³ Малахова Н.Б. Микроэкономический анализ. – Х.: ИД «ИНЖЭК», 2010. – С.149

⁴ Задорожный Г.В. Экономикс или социальная экономика? (размышления политэконома о постнеоклассической экономической науке). – Полтава: Скайтек, 2009. – С.24.

² Фальцман В.К. Ученые в контексте времени. – М.: Проспект, 2007. – 186 с.

ятия имеет в указанный период свой минимум: $AC=0,753$ грн./пас. при 280 млн. чел. перевезенных пассажиров в год.

Таблица 1

Динамика показателей Харьковского метрополитена за 2004-2009 гг.

Показатели / годы	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Затраты, млн. грн.	139,65	151,8	181,72	172,55	208,35	372,4
Пассажиры, млн. пас.	269	288,6	293,1	278,3	280	196
МС, грн./пас.	0,675	0,684	0,806	0,806	0,967	2,470
АС, грн./пас.	1,066	0,866	0,756	0,738	0,810	0,974

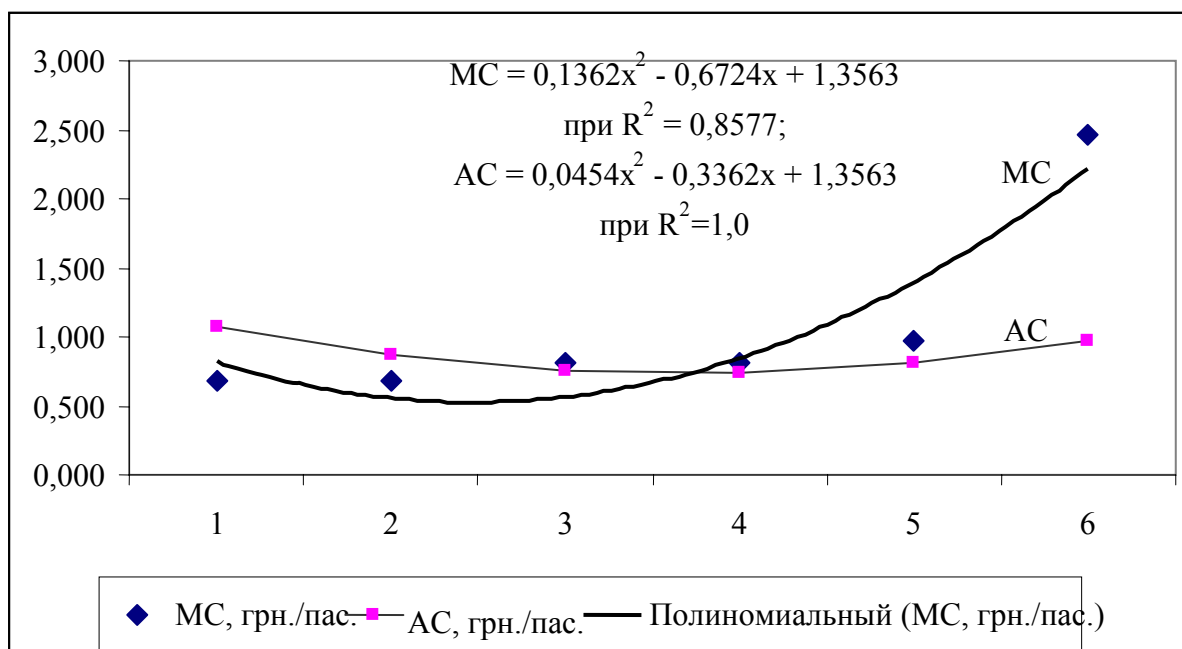

Рис. 1. Функции МС и АС для Харьковского метрополитена, 2004 -2009 гг.

У этой расчетной точки ($x=3,06$; $y=0,753$) есть конкретная экономическая интерпретация. Точка минимума АС означает, что до достижения объемов перевозок в 280 млн. пас. Харьковский метрополитен при цене за перевозку одного пассажира в 0,753 грн. получает достаточную прибыль и не нарушает общественно-экономического равновесия. Равновесие достигается между функцией общественной выгоды АС(t) и функцией маржинальных издержек МС(t) конкретного предприятия при $AC=MC$. В той части, когда функция МС(t) превысила тренд АС(t), сработал критерий, указывающий на извлечение данным предприятием необоснованной ренты. Очевидно, что присвоение незаработанной ренты есть нарушение критерия социальности как общественно-экономического равновесия.

Итак, социальное содержание экономи-

ческой науки заключается в следующем: в отличие от концептуальных подходов к идеологизации социальной направленности в марксистской и неоклассической парадигмах, достижения современных наук позволяют применить принципы измеримости и проверяемости в определении общественного интереса в разных сферах – прежде всего в экономике и рыночном хозяйствовании. Социальное – значит общественно выгодное в выпуске любого товара, поскольку проданный товар всегда есть результат взаимодействий большого количества людей. И меру социальности теперь можно вычислить для каждого предприятия.

В постиндустриальной экономике обнаружить общественную рациональность возможно в деятельности каждого отдельного предприятия через модель SMPF, без сопоставления его результатов с результатами ана-

логичных субъектов хозяйствования, без поиска конкурентов. Расчеты общественной рациональности в функционировании конкретных предприятий позволяют увидеть, насколько каждое данное предприятие отклоняется или нет от уровня общественной аллокации ресурсов и, следовательно, позволяют принять соответствующие меры к государственному или общественному регулированию экономических процессов в интересах целостности и устойчивости общества. Именно соединение усилий нескольких наук (политэкономии, эконометрики, информатики и др.) позволяет сегодня выявлять социальность как общественную рациональность в экономических фактах для восстановления целостности человеческой жизни и человека.

Литература

1. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XIXв. – М.: 2003. – [Электронный

документ] – Режим доступа <http://www.antiglobalizm.org/inform/strategy.zip>

2. Панарин А.С. Агенты глобализма. – [Электронный документ] – Режим доступа: <http://www.antiglobalizm.org/inform/agents.zip>

3. Задорожный Г.В. Экономикс или социальная экономия? (размышления политэкономии о постнеклассической экономической науке). – Полтава: Скайтек, 2009. – 100с.

4. Фальцман В.К. Ученые в контексте времени. – М.: Проспект, 2007. – 186 с.

5. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело, 1994. – 760 с.

6. Малахова Н.Б. Микроэкономический анализ. – Х.: ИД «ИНЖЭК», 2010. – 232 с.

7. Черковец Ю.В. Доклад о будущем цивилизации и стратегии цивилизационного партнерства. – [Электронный документ] – Режим доступа: www.globfuture.newparadigm.ru

Статья поступила в редакцию 30.06.2011

М.Е. ШАЛАШОВА,
НИУ-ВШЭ, г.Москва

ЭЛЕКТРОННАЯ КОММЕРЦИЯ В ЕС: НОВЫЕ НОРМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВЕРТИКАЛЬНЫХ ОГРАНИЧИВАЮЩИХ СОГЛАШЕНИЙ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЮ

Развитие интернет-торговли не только расширяет возможности розничной торговли, но также меняет характер конкуренции и структуру взаимодействия фирм на рынке. Значительная часть этих изменений напрямую связана с вертикальными ограничивающими соглашениями (ВОС), предполагающими различного рода договоренности между поставщиками и ритейлерами, сохраняющими юридическую и организационную независимость.

Объемы розничных Интернет - продаж в Западной Европе достигли €68 миллиардов (\$93 миллиарда) в 2009 и по прогнозам, могут достигнуть €114 миллиардов (\$156 миллиардов) в 2014 году [5,6]. В частности, эти показатели в абсолютном выражении ниже в сравнении с объемом продаж через Интернет в Соединенных Штатах Америки, однако, по темпам роста Европейский рынок электронной торговли находится на первом месте. Использование Интернета в качестве канала дистрибуции открывает ряд значительных преимуществ, связанных в первую очередь с инвести-

ционной привлекательностью и минимизацией рисков. Однако возможность свободного использования Интернета каждым из дистрибуторов, как способа продажи, создает ряд проблем для традиционных моделей распределения. Особого внимания воздействие Интернет-торговли на вертикальные взаимодействия заслуживает в тех случаях, когда товары, реализуемые интернет-ритейлерами приобретаются ими у традиционных или гибридных ритейлеров, т.е. когда возникают ситуации, при которых поставщик конкурирует с дистрибуторами на рынке ритейла. Таким образом, развитие Интернет-торговли подразумевает наличие конкурирующих интересов между участниками производственно-сбытовой цепи и требует применения особых мер регулирования особенно в области ВОС. Поскольку государственное регулирование ВОС обусловлено их возможными антиконкурентными последствиями, т.е. опасностями, которые они могут

© М.Е. Шалашова, 2011